

Леонов Иван Сергеевич

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ СОПУТСТВУЮЩЕГО ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОЙ ПРИХОДСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. ШАНТАЕВА И А. ЛИСНЯКА)

Статья посвящена приходской прозе XXI века. На материале творчества А. Шантаева и А. Лисняка исследуется образная система приходских очерков и рассказов, выявляется особый персонажный тип - сопутствующий. Анализ данного образа построен на выявлении особенностей его возникновения и проявления в текстах литературных произведений, что позволяет обосновать наличие следующих моделей: "сопровождение", "неожиданное появление", "случайная реплика", "вторичное действие".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. 2. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья посвящена приходской прозе XXI века. На материале творчества А. Шантаева и А. Лисняка исследуется образная система приходских очерков и рассказов, выявляется особый персонажный тип – сопутствующий. Анализ данного образа построен на выявлении особенностей его возникновения и проявления в текстах литературных произведений, что позволяет обосновать наличие следующих моделей: «сопровождение», «неожиданное появление», «случайная реплика», «вторичное действие».

Ключевые слова и фразы: православная художественная литература; приходская проза; система образов; пастырь; сопутствующий персонаж.

Леонов Иван Сергеевич, к. филол. н., доцент

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва
tamif.lis@rambler.ru

СПЕЦИФИКА ИЗОБРАЖЕНИЯ СОПУТСТВУЮЩЕГО ПЕРСОНАЖА В СОВРЕМЕННОЙ ПРИХОДСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. ШАНТАЕВА И А. ЛИСНЯКА)

Актуальность настоящего исследования связана с возникновением в современной отечественной литературе особого явления – православной прозы. В настоящее время ученые активно исследуют тематику, жанровый состав, а также художественное своеобразие широкого круга произведений религиозной направленности. Размышляя о специфике данного феномена, критик В. Каплан отмечает: «...фокус их (*писателей-священнослужителей – И. Л.*) внимания сосредоточен примерно на одном и том же – на современном человеке в его отношении с Богом» [1]. Исследователь Ю. Кононенко в качестве основных тенденций православной литературы выделяет «художественный документализм», «поиск “необременительной” формы... воплощающийся в кратких заметках... – “стоп-кадрах” и “стоп-мыслях”» [2].

Настоящая работа посвящена поэтике приходской прозы, которая является разновидностью православной художественной литературы сегодняшнего дня, является ее неотъемлемой частью. В приходских очерках и рассказах находит отражение уникальный опыт пастырского служения, обладателями которого являются православные священники-настоятели сельских храмов. Исследование опирается на произведения протоиереев Александра Шантаева и Алексея Лисняка.

В процессе анализа системы образов в приходской литературе выделяется особый тип – *сопутствующий* персонаж, являющийся духовным сподвижником священника-повествователя из числа мирян, его помощником как в богослужбной, так и в хозяйственно-бытовой сферах. В подавляющем большинстве случаев в роли сопутствующего персонажа на страницах приходской литературы чаще всего выступает пожилая женщина, реже – старик или ребенок.

Сопутствующий персонаж выполняет функции *вестника*, т.е. сообщает священнику о каком-либо случае, требующем незамедлительных действий последнего (вызов к умирающему, необходимость отпеть покойного и т.д.), *информатора* (рассказывает об обстоятельствах собственной жизни или судьбах своих односельчан), *комментатора* (дает оценку и поясняет суть увиденного или услышанного священником), *иллюстратора* (передает мысли и чувства, раскрывающие собственные представления об окружающем мире).

В целях более глубокого анализа данного образа предлагаются два варианта классификации сопутствующего персонажа: первый основан на *специфике возникновения и проявления* последнего в текстах приходской литературы, второй – на *особенностях его взаимодействия* как с рассказчиком, так и с другими членами прихода.

Анализ ряда произведений приходской литературы показывает, что возникновение и проявление сопутствующего персонажа происходит по четырем моделям: а) сопровождение; б) неожиданное появление; в) случайная реплика; г) вторичное действие.

Под *сопровождением* понимается одновременное присутствие пастыря и его помощника в тексте произведения, что характерно для рассказов, повествующих о совершении таинств и обрядов в храме или на дому. В этом случае сопутствующий выполняет необходимые обязанности по организации требы на протяжении всего произведения, а его роль может быть информативной, комментирующей или иллюстративной характера. Следует отметить, что в данном контексте сопутствующий может выполнять несколько функций. Так, на пути к месту совершения требы сопутствующий выполняет роль информатора, в доме адресата обрядовых действий – комментатора. Функция иллюстратора может быть реализована в рамках любого сюжетного этапа произведения.

В случае совместного выхода пастыря и сопутствующего персонажа за пределы храмового пространства и совершения ими обрядовых действий вне его раскрытие образа помощника может происходить в рамках одного или нескольких этапов: выход – исполнение требы – возвращение. Так, в рассказе А. Шантаева «Сирота» образ сопутствующей Галины в большей степени проявляется во время совершения обрядовых действий у постели умирающей старухи Натальи, а также на этапе возвращения в храм. Важным для характеристики помощницы пастыря Нины из рассказа «В Петрово» становится момент совместного со священником следования к дому адресата обрядовых действий, во время которого она выполняет функции информатора и иллюстратора. Аналогичную позицию занимает старушка Липа из рассказа «Злая невеста». Акцент на образе пономаря Темы («Похоронили») возникает на этапе возвращения с кладбища после совершения панихиды.

Модель *неожиданное появление* свойственна произведениям, в которых фигурирует персонаж-вестник, а также информатор, являющийся носителем негативного (осуждающего) посыла. В первом случае уместно вспомнить произведения А. Шантаева «Асина память», «При смерти», «Ограбили», в которых появление сопутствующего персонажа носит неожиданный характер, возникает чаще всего в начале произведения или предваряет одну из важных его частей (например, в произведении «Асина память» появление вестников открывает вторую часть, посвященную похоронам погибшей девочки).

В отдельных случаях неожиданное появление вестника сопровождается эффектом «замедленного воспроизведения», дающим возможность повествователю определенное время понаблюдать за ним, отметить для себя черты портрета и поведения. Возникновение подобного эффекта можно обнаружить в рассказе «Асина память». Увидев идущих в его сторону пожилых женщин, рассказчик определенное время наблюдает за ними: «Бабушки подходят к церкви, степенно крестятся положенное число раз, кланяются ей низко в пояс, а потом – и в мою сторону... Старшая снова кланяется, жалостливо улыбаясь, и заглядывает в глаза, чтобы ее признали...» [4, с. 44]. Иногда неожиданное появление вестника сопровождается или предваряется своеобразным звуковым рисунком, содержащим в себе оттенки тревоги, страха, волнения. Речь идет о продолжительном звонке, стуке в дверь, криках, плаче и т.д.

Неожиданное появление также может быть характерно и для персонажа-информатора. Так, в произведениях А. Шантаева «Пенек и Алеша» и «Проходимец» возникает образ Л. Д., для которой характерен динамизм, стремительность, категоричность и беспепелляция оценок.

Модель *случайная реплика* – явление достаточно частое в приходской прозе. Изображая определенную ситуацию, событие и его участников, повествователь вспоминает услышанную им ранее реплику одного из близких ему сопутствующих лиц. Данное высказывание может быть адресовано как пастырю, так и другим персонажам, а может и не иметь адресата. В первом случае чаще всего речь идет о реализации функции персонажа-информатора, во втором – иллюстратора.

Так, рассказ А. Шантаева «Одинокая» посвящен старухе Марфе, в облике которой отмечаются черты дряхлости и болезни: «Стоит, с трудом переводя дух. Глазки у нее поблекшие, сочащиеся влагой. Запыхалась и осунулась...» [Там же, с. 145-146]. Наряду с мотивом недуга возникает иной мотив – одинокой старости: «Некому мне помочь, одна я, совсем одна осталась...» [Там же, с. 146]. Неожиданно в рассказ вторгается суждение церковницы Катерины Платоновны, являющейся соседкой Марфы: «Пожила она в свое удовольствие, да еще как! Такой высокомерной была, что и не подступишься! Потом муж умер, сама постарела, теперь вот никому не нужна. Прожила жизнь и осталась в одиночестве...» [Там же]. Следует отметить, что указанная реплика возникает в сознании пастыря неожиданно; ее адресант не присутствует при разговоре Марфы со священником.

Некоторые персонажи характеризуются регулярным использованием близких по смыслу и эмоциональному послы высказываний. Так, неоднократно упоминаемая в цикле А. Шантаева «Между небом и Львами» старушка Валентина постоянно говорит о близости Страшного суда: «...последний год на земле живем, все! Страшный суд будет» [5, с. 302]. Своеобразным рефреном звучат слова бабки Наталки из рассказа протоиерея Алексея Лисняка «Для имени Моего...»: «Так вы ж для Бога...» [3, с. 197].

Модель *случайная реплика* включает не только высказывания конкретных персонажей, но воспроизводит своеобразный *коллективный голос* или *народное мнение*, которые достаточно часто звучат в произведениях приходской литературы и выражаются с помощью формул: «бабкино радио разносит слух» [4, с. 194], «как пересказывают ехидные бабки» [Там же, с. 198], «охочие до пересказов бабки передавали» [Там же, с. 199], «как рассказывал сосед» [Там же, с. 228] и т.д.

Наиболее редкой в приходской литературе следует признать модель *вторичное действие*. В строгом смысле слова она не столько отражает специфику появления сопутствующего персонажа в тексте художественного произведения, сколько свидетельствует о смещении акцентов и возникновении дополнительных авторских характеристик. Так, в рассказе А. Шантаева «На реках Вавилонских» разворачиваются два событийных ряда. Первый связан с традиционной для приходской литературы ситуацией – отпеванием покойника в храме. При изображении обрядовых действий автор намеренно указывает на привычный характер происходящего: «Неспешно, своим ходом потекло отпевание, рядовое, ничем не примечательное» [Там же, с. 22]. В аналогичном повседневном духе повествователь описывает действия своих помощниц – молодой женщины Анастасии и старухи Клеопатры (Липы): «они нанесли дров, привычно и споро раскочегарили железную печурку и выдвинули на середину широкую скамью под гроб» [Там же]. Меланхоличное настроение рассказчика подчеркивается в том числе и с помощью пейзажных зарисовок зимней природы. Наблюдая из окна храма за траурной процессией, повествователь отмечает, что был «студеный и хмурый февральский день» [Там же], обращает внимание на «размытый край соснового леса» [Там же, с. 23-24], называя его некрасочным и суровым, типичным для русского севера. Наряду с этими переживаниями в сознании пастыря возникает ощущение контраста: с одной стороны, его пугает одинокое и бесприютное внехрамовое пространство, с другой – возникает ощущение защищенности и тепла внутри церковного здания.

Размышления рассказчика неожиданно прерывает пение сопутствующими Анастасией и Клеопатрой 136 псалма, известного многим верующим по первой строчке «На реках Вавилонских...». Следует отметить, что исполнение проходило вне обрядового контекста; его целью явилась лишь подготовка к ответственной службе, предваряющей наступление Великого поста. Изначально не запланированное пение становится тем вторичным (дополнительным) действием, которое выводит участников событий из круга повседневности и способствует глубокому раскрытию образов сопутствующих персонажей.

В данном ключе можно выделить несколько приемов создания образов Анастасии и Клеопатры. В первую очередь, необходимо отметить *портретную и голосовую характеристики*: «В два голоса – юный и гибкий и старческий, а оттого как бы шершавистый, словно натруженная ладонь – матушки негромко ддили знакомый напев» [Там же, с. 24]. Наблюдая за поющими, повествователь делает акцент на мимике Липы, отражающей ее внутренний мир, черты характера: «...со всей строгостью, возможной на ее добром морщинистом личике, поднадулилась, сдвинула белесые брови и, прикрыв глаза, осторожно завела, словно мелком выводя одну ей памятную линию» [Там же].

Также следует отметить возникающий в рассказе *мотив единения*. Несмотря на существенную разницу в возрасте, повествователь подчеркивает некое духовное родство, объединяющее женщин, общую для них молитвенную устремленность, погруженность в мир веры и жизнь прихода. Так, в тексте возникают выражения «бок о бок», «присоединилась», «в унисон» и т.д.

Наряду с этим возникает *мотив внутреннего очищения и преображения*, характеризующий духовное состояние рассказчика: «Я слушал их, замерев, подхваченный тягучим пением. Все недавние мысли исчезли куда-то, и я полностью погрузился в себя... Вздохнулось так светло, так очистительно спокойно, будто я вдохновенно молился все это время...» [Там же, с. 25]. Изменения внутреннего настроя, произошедшие в душе рассказчика, отражает и состояние природы, что позволяет говорить о возникновении в тексте психологического параллелизма: «...глаза вдруг увидели ясный свет закатного солнышка» [Там же].

Таким образом, возникшее в произведении «На реках Вавилонских» вторичное действие – исполнение псалма – становится ключевым моментом, позволяющим говорить о раскрытии внутреннего мира сопутствующих персонажей.

Следующий принцип классификации связан со спецификой взаимодействия сопутствующего с рассказчиком и членами прихода. На основе данного критерия выделяются следующие типы: а) передача сведений информативного или комментирующего характера (краткие или подробные, содержащие большое количество деталей); б) реплика-иллюстрация обобщающего характера (адресованная кому-либо или безадресная); в) обращение за советом, просьба о содействии; г) совет, предостережение; д) несогласие; е) жалоба, ожидание поддержки.

Наиболее часто в произведениях приходской литературы встречаются краткие или подробные высказывания и реплики информативного, комментирующего или иллюстративного планов. В данном случае следует отметить активную позицию говорящего (сопутствующего персонажа), в отличие от которого пастырь чаще всего предстает слушателем, лишь изредка, скорее из вежливости и в целях поддержания беседы, задающим вопросы и комментирующим услышанное. В то же время адресованные в свой адрес вопросы личного характера воспринимаются им с осторожностью. Так, в рассказе «В Петрово» на вопросы сопутствующей Нины о семье и родителях рассказчик отвечает «не особенно вдаваясь в подробности» [Там же, с. 135]. В отдельных случаях священник может взять на себя инициативу в беседе: пересказать увиденный накануне сон («Похоронили»), вступить в шутивную перепалку с сопутствующим («Сирота»).

Обращение сопутствующего к священнику за советом и просьба его о содействии – традиционная ситуация, связанная со статусом пастыря в церкви и восприятием его прихожанами. Так, в этнографических очерках А. Шантаева «Священник. Колдунья. Смерть» указывается: «...священник совмещает в своем лице и харизму предстояния перед Богом (теургическую функцию), и пастырское попечение (отцовство), учительство (наставничество)...» [6, с. 27]. В произведении того же автора «Битва ангела с сатаной» сопутствующая Галина пересказывает историю соседки, нашедшей на своем участке обрубленную руку гигантских размеров. Ссылаясь на мнение другого священника, сказавшего, что «на том месте была битва ангела с сатаной» [4, с. 212], Галина ждет от рассказчика совета и деятельной помощи: «специальных» молитв, ладана и т.д.

Следует отметить, что диалог священника и церковницы содержит элементы спора и несогласия. Так, рассказчик воспринимает услышанное с долей юмора, вставляет в свою речь шуточные комментарии: «А может, это была медвежья лапа?» [Там же], «А что же она ее не сохранила, а сразу в огонь бросила? Мы бы ее в музей отвезли в Переславль» [Там же, с. 213]. Женщина, напротив, воспринимает ситуацию достаточно серьезно, в сугубо метафизическом ключе; реакция пастыря кажется ей слишком легкомысленной, что подтверждается с помощью отдельных реплик, мимики, жестов: «Галина посмотрела на меня, как на несмышленища, и коротко хмыкнула» [Там же, с. 212], «Ой, тьфу! – Галина передернула широкими плечами. – Скажете тоже...» [Там же, с. 213].

Элементы спора и несогласия с позицией собеседника могут возникать между сопутствующими персонажами. В подобном контексте священник утрачивает позицию говорящего и становится лишь свидетелем происходящих событий. Так, в одном из рассказов, входящих в цикл «Асина память» и не имеющего заглавия, старушки-церковницы рассказывают священнику о судьбе погибшего накануне юноши Михаила: «Катерина, увлекшись, пустилась было смаковать подробности – с кем жила мать, да с кем раньше отец жил, но Галина, доселе лишь вздыхавшая: “Что делается! Ах ты, Господи...”, деловито оборвала ее: – “Поменьше говори, батюшке не нужно все это”» [Там же, с. 226-227].

В ряде случаев сам пастырь становится адресатом совета или предостережения, исходящего от сопутствующего персонажа. Такое становится возможным, если в процессе коммуникации участвуют пожилые женщины, искренне сочувствующие или заботящиеся о священнике. В данном случае реализуется своеобразная «сыновняя» функция пастыря, на которую указывает А. Шантаев в этнографических трудах: «...сам является объектом заботы со стороны прихожанок (сыновничество)...» [6, с. 27]. Яркий пример подобного назидания можно найти в рассказе «Проходимец», в котором члены церковного сообщества узнают, что под видом священника в доме их настоятеля накануне побывал преступник-рецидивист. В данном контексте важное значение

приобретает реплика Галины-слепой: «Вы уж поостороже будьте, батюшка, всякому душу не спешите открывать! Сказано же в Писаниях, что в последние времена появятся лжесвященники. Так оно и есть» [4, с. 235].

При рассмотрении модели взаимодействия пастыря и прихожан, допускающей настойчивый совет, укор или несогласие, следует оговориться, что за скобками намеренно остаются примеры общения священника с персонажами-антагонистами, выражающими негативное отношение к церкви и ее служителю. В данном случае речь идет только о людях, близких по вере, погруженных в атмосферу приходской действительности.

В отдельных случаях со стороны сопутствующего персонажа может исходить жалоба на то или иное досадное обстоятельство, связанное с болезнью, нанесенной обидой и т.д. Так, в рассказе А. Лисняка «Короткая сирень» настроение пономаря Алексея Семеныча (*орфография автора – И. Л.*), ставшего накануне жертвой обмана мошенников, резко контрастирует с праздничной пасхальной атмосферой храма. Об этом свидетельствует следующая реплика персонажа, адресованная пастырю: «...и жизнь прожил, а в людях так и не разобрался. Сужу вот всех по себе: раз у меня в голове все просто, то и у других вроде моего...» [3, с. 219]. Очевидно, что на данном этапе персонаж нуждается в сочувствии и имеет потребность поделиться случившимся с близким человеком.

Таким образом, в работе были исследованы особенности сопутствующего персонажа в произведениях современной приходской литературы. На основании ряда критериев была раскрыта специфика его возникновения и проявления в тексте, а также предложен ряд моделей взаимодействия с пастырем и членами прихода.

Список источников

1. Капкан В. Иерейская проза. Станет ли она литературным явлением? [Электронный ресурс]. URL: <http://foma.ru/ierejskaya-proza.html> (дата обращения: 04.03.2017).
2. Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы» [Электронный ресурс]. URL: <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 01.03.2017).
3. Лисняк А. «Сашина философия» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2014. 288 с.
4. Шантаев А. Асина память. Рассказы из российской глубинки. М.: Никея, 2015. 256 с.
5. Шантаев А. Между небом и Львами. Записки на полях церковного года. М.: Артос-Медиа, 2005. 320 с.
6. Шантаев А. Священник. Колдунья. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М.: Благо, 2004. 240 с.

SPECIFICITY OF THE IMAGE OF ACCOMPANYING CHARACTER IN THE MODERN PAROCHIAL PROSE (BY THE MATERIAL OF A. SHANTAIEV'S AND A. LISNYAK'S CREATIVE WORK)

Leonov Ivan Sergeevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pushkin State Russian Language Institute, Moscow
mamif.lis@rambler.ru

The article is devoted to parochial prose of the 21st century. By the material of A. Shantaev's and A. Lisnyak's creative work the image system of parochial essays and stories is investigated, the special type of character, accompanying one, is revealed. The analysis of this image is based on identifying the peculiarities of its appearance and manifestation in literary texts, which allows substantiating the presence of the following models: "accompaniment", "unexpected appearance", "random replica", and "secondary action".

Key words and phrases: Orthodox fiction; parochial prose; system of images; shepherd; accompanying character.

УДК 070

Исследование идеологии СМИ главным образом выполнено четырьмя критическими школами. Путем анализа их научных работ мы можем выделить четыре ключевые проблемы, касающиеся идеологии СМИ в контексте критической парадигмы: 1) коммодификация СМИ в воспроизводстве идеологии; 2) технологии массовой коммуникации как новый создатель идеологии; 3) символическое производство СМИ в циркуляции идеологии и 4) восприятие аудиторией медиасообщения как идеологическое состязание. В современной науке только на основе анализа взаимодействия этих аспектов можно провести комплексное исследование рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова и фразы: СМИ; критическая парадигма; идеология; политическая экономия; дискурс-анализ; аудитория; технологии массовой коммуникации.

Лю Янь

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
karenly_62@mail.ru

АНАЛИЗ ИДЕОЛОГИИ СМИ В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Исследование идеологии СМИ главным образом выполнено четырьмя критическими школами: Франкфуртской школой, школой «Британские культурные исследования», школой «Политическая экономия